

ЭО, 2006 г., № 3

© А.А. Никишенков

Наша наука переживает интересное время – ее теоретические основания, сложившиеся в прошлом, подвергаются уничтожительной критике и одновременно находят все новых сторонников и защитников. Это в особенности относится к концепциям этноса. У этого немало причин, о которых здесь не место говорить. Существенно то, что главный печатный орган отечественной этнологии не может остаться в стороне от обсуждения этой проблематики, и его редколлегия в данном случае избрала оптимальный, на мой взгляд, способ отреагировать на "битву" вокруг понятия "этнос", битву, неожиданно получившую новый импульс благодаря выходу в свет яркой и острополемиической книги В.А. Тишкова "Реквием по этносу". Обращение к истокам теоретической разработки категории "этнос", которые во многом связаны с деятельностью С. Широкогорова, в настоящем номере "Этнографического обозрения" представлено тремя статьями, рассматривающими концепцию этноса этого ученого с точек зрения, радикально отличающихся друг от друга.

А.М. Кузнецов уже довольно давно и успешно занимается всесторонним изучением творчества Широкогорова, и в его статье концепция этноса последнего представлена как отражение хоть и противоречивой, но целостной личности ученого. Автор выступает порой как "реконструктор" некоего незавершенного научного проекта с явной интенцией найти и продемонстрировать сильные теоретико-объяснительные, аналитические и эвристические его стороны, которые доступны развитию и применению в практике современных этнологических исследований. Кузнецов довольно убедительно показывает, что ряд современных актуальных проблем (в частности, проблема соотношения психоментальных комплексов изучаемой культуры, культуры исследователя и культуры читателя научного труда, проблема соотношения примордиалистских и конструктивистских подходов и пр.) были поставлены и получили приемлемую интерпретацию в трудах Широкогорова задолго до того, как они стали интенсивно обсуждаться в науке. Кузнецов порой выступает в роли "защитника" отдельных положений теории этноса Широкогорова от их искажений последующими теоретиками.

В статье П. Скальника теория этноса рассматривается в политико-идеологическом контексте, как следствие политического заказа со стороны тоталитарного государства. Он приводит не лишние оснований аргументы в пользу тезиса о сходстве концепций этноса, сложившихся в ЮАР и СССР, что объясняется им двояко: 1) происхождением от общего теоретического истока в трудах Широкогорова, идеи которого были восприняты советским этнографом Ю.В. Бромлеем и немецким этнологом В. Мюльманом и заимствованы от последнего этнологами ЮАР П.И. Курце и И.Х. Куци, и 2) схожими потребностями двух тоталитарных государств в "ненаучных идеологических инструментах, которые государства ЮАР и СССР используют для сохранения status quo" и "оправдания политики несправедливого доминирования". При таком подходе вопрос о научно-познавательных возможностях теории этноса вообще представляется неуместным.

В статье В.Р. Филиппова, напротив, этот вопрос поставлен во главу угла. В ней узловые категории концепции Широкогорова подвергаются формально-логическому и онтологическому анализу. В итоге ставится неутешительный диагноз – "в этой теории пе-

---

Алексей Алексеевич Никишенков – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ремешались биологические и социальные интерпретации, естественнонаучные и социологические подходы... Но ни те, ни другие не позволили корректно определить понятие". Столь суровый приговор Широкогорову как будто бы смягчается признанием, что и другие концепции, идет ли речь о примордиализме или конструктивизме, тоже никуда не годятся в смысле логического обоснования основных понятий.

Авторы рассматриваемых статей как будто говорят об одном и том же феномене, но читателю нетрудно убедиться, что их подходы ориентированы на его отражение в разных контекстах и поэтому речь идет по существу о разных вещах. Это дает определенный положительный исследовательский эффект – наследие Широкогорова предстает в своей многоплановости, противоречивости и сложности, что само по себе является более адекватным его отражением, чем каждый из трех представленных его образов в отдельности. Публикация трех статей вместе выводит обсуждение теории этноса Широкогорова, да и всей проблематики этноса/этничности на новый уровень. Мне кажется очевидным, что при всех познавательных слабостях и политико-идеологической ангажированности (последнее, на мой взгляд, в наименьшей степени относится к концепции Широкогорова) известных теорий этноса традиция их осмысления и развития имеет перспективы в современной науке. Во-первых, от самого понятия "этнос" уже не отмахнуться, оно вышло из-под контроля научного сообщества, получив "прописку" в самых разных дискурсивных формациях – политической, идеологической, журналистской, философской и даже обыденно-жизненной, что сделало его реальностью, вызывающей к изучению и осмыслению. Во-вторых, изучение истории этнологии невозможно без обращения к различным "парадигмам этноса", некоторые из которых господствовали в ней десятилетиями. Сейчас кажется очевидным, и рассматриваемые статьи это показали, что редукционистские подходы к этим парадигмам, сводящие их либо к наборам формально-логических схем, либо к политической конъюнктуре, либо к инструментальности познавательных процедур уже нельзя считать достаточными. Требуются науковедческие подходы, построенные на принципах системности и историзма, позволяющие понять феномен научной деятельности в его противоречивой многокачественности и исторической конкретности. Иначе будут воспроизводиться сомнительные попытки сооружения линий идейной преемственности с древнейших времен до современности (как это сделал К. Поппер, соединив философию Платона с идеологией тоталитаризма), выведения научных методов из политической конъюнктуры (как это сделали в свое время С.П. Толстов, И.И. Потехин, Д.А. Ольдерогге, выводя функционализм из потребностей империализма) и т.п.